DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.09
УДК 172.15

ПАТРИОТИЗМ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.П. Мохов

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 20 апреля 2019 г.
Принята: 10 сентября 2019 г.
Опубликована: 04 октября 2019 г.

Ключевые слова:

глобализация, патриотизм, политика памяти, нация, нациестроительство, практики забвения.

АННОТАЦИЯ

Эпоха национальных государств индустриального общества породила закономерный институт духовной жизни – патриотизм. Он выполнял и выполняет важнейшие функции в обществе, он был и есть воплощение воли нации в условиях индустриального общества к самосохранению и саморазвитию, к объединению ресурсов для достижения значимых целей, являясь выражением воли нации к развитию. Патриотизм оказался сложным социальным институтом, с помощью которого государственность, психологический склад общества связывались с личными переживаниями, мировоззренческими установками и моралью индивида, социальных групп. Благодаря патриотизму нации состоялись в экономической, социальной, духовной, психологической сферах. Патриотизм был способом объединения властных национальных элит и народа на основе формирования (конструирования) «сверху» общих представлений, выраженных через идеалы, доминирующей идеологии (религии), базовых ценностей, национальной (государственную) идентичности.

Глобализация привела к уменьшению роли государства, вместе с этим началось изменение роли патриотизма, его внутренняя трансформация. В качестве важнейших причин изменения функционала патриотизма выступают глобальные экономические процессы, массовые миграции, воздействие глобальных СМИ и интернета и др. Особое значение имели такие процессы, как распад крупных государств или блоков и образование «малых государств» или государств, вышедших из прежних сфер влияния (распад СССР, Югославии, блока стран Варшавского договора и др.). В новых государствах начались процессы нациестроительства или «переформатирования» наций с использованием технологий политики памяти. Содержание политики памяти состояло в разрыве с прежними канонами истории. Политика памяти, проводимая в различных государствах, в том числе новообразованных, стала элементом глобализации и депатриотизации национальных сообществ. Возникшие государственные элиты срочно нуждались в легитимации своего господства, поэтому «новый» патриотизм конструируется максимально быстрыми темпами на основе псевдоисторических мифов и противопоставления (явного или скрытого) бывшему общему государству, через организацию практик забвения, деконструкцию смысловых исторических образов и понятий и их пересборку, а также стигматизацию нежелательного прошлого.

© ПНИПУ

© **Мохов Виктор Павлович** – доктор исторических наук, профессор, декан гуманитарного факультета,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6511-8873>, e-mail: mvpperm@gmail.com.

© **Viktor P. Mokhov** – PhD, Professor, Head of Faculty of Humanities,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6511-8873>, e-mail: mvpperm@gmail.com.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

PATRIOTISM AND MEMORY POLICY IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Viktor P. Mokhov

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 20 April 2019
 Accepted: 10 September 2019
 Published: 04 October 2019

Keywords:

globalization, patriotism, politics of memory, nation, nation-building, practices of oblivion.

ABSTRACT

The epoch of the national states of industrial society has generated the well-formed institute of spiritual life – patriotism. It played and continues to play the most important functions in society; it was and continues to be the embodiment of the nation's volition for self-preservation and self-development in conditions of industrial society, for the combination of resources aimed at achievement of significant goals being the impression of the nation's will for development. Patriotism appeared to be the complex social institute with the help of which statehood, territory, psychological attitude of society and its culture were connected with individual experience, worldview and morality of persons and social groups. Nations have realized in economic, social, mental and psychological spheres due to patriotism. Patriotism was the means of unification of authoritative national elites and people on the base of forming (construction) "from the top" common concepts, expressed through the ideals, dominant ideology (religion), basic values, national (state) identity.

Globalization has led to the reduction of the state role which was followed by the change of the role of patriotism, by its internal transformation. Global economic processes, mass migration, effect of the global mass media and internet are the most important reasons for the modification of patriotism functional. Such processes as dissolution of big states or blocks and formation of "small states" or states removed from the sphere of influence (dissolution of the USSR, Yugoslavia, the Warsaw pact countries, etc.) were of special importance. In the new states the processes of national construction or "reformatting" of nations with the use of technologies of memory policy began. The content of memory policies involved the break with the former canons of history. Memory policies carried out in different states including the newly formed have become the element of globalization and depatriotization of national communities. Newly appeared state elites needed the legitimization of their supremacy, so "new" patriotisms were constructed at a high rate on the base of pseudohistorical myths and opposition (evident or inside) to the former common state by organizing the practices of oblivion, deconstruction of semantic historical images and notions and their re-assembling, as well as stigmatization of unwanted past.

© PNRPU

Патриотизм как любовь к Родине (Отечеству) сложился в условиях индустриального (буржуазного) общества. Он стал естественным выражением чувства национальной общности и общегосударственного единства, которые органично сформировались под воздействием экономической и политической консолидации граждан в национальное государство¹. Это – модернистская парадигма понимания нации, которая явилась результатом европейского модерна, заявившего о себе во время Французской революции и капиталистической индустриализации [см., подробнее: 2, с. 68–103]. По мнению В.А.Тишкова, патриотизм можно назвать гражданско-политическим или государственным национализмом [3].

Патриотизм стал органичным для индустриального общества, поскольку решал ряд фундаментальных задач, обеспечивающих его развитие и выживание.

Во-первых, патриотизм стал способом объединения людей, проживающих на территории одного государства, в гражданскую нацию, у которой появился общий интерес – защита своей территории от врага и самостоятельное определение внутренней и внешней политики. М. Вебер называл германское национальное государство представителем германской нации, понимая под ним силу, которая реализует основные интересы нации [4, с. 25].

Поскольку нация становилась как социальный феномен в первую очередь в наиболее развитых государствах, личный успех во многом связывался с успехами государства и нации,

¹ Мы не разделяем позицию, согласно которой патриотизм – это социальное чувство, которое издревле свойственно человеку, в том числе и в рамках племенной организации [1, с. 175–191].

которые находили ресурсы для создания собственной экономики, захвата новых рынков и источников сырья, для развития новых коммуникаций, поэтому патриотизм выполнил функцию связи личного с общественным и государственным,

Он оказался сложным социальным институтом, с помощью которого государственность, психологический склад общества и связывались с личными переживаниями, мировоззренческими установками и моралью индивида, социальных групп. Благодаря патриотизму нации состоялись в экономической социальной, духовной, психологической сферах.

Патриотизм был важен для народа как способ сохранения своей идентичности и защиты от поглощения со стороны других сообществ (государств), организованных в нации. Готовность защищать страну (государство, Родину, Отечество) от внешних угроз, положить свои силы на развитие Отечества и во славу Отечества имела практические следствия, выраженные во вложении средств в развитие национальной экономики, в применении своих индивидуальных талантов в рамках своей страны, в добросовестной службе (гражданской, военной) на благо Отечества. Духовной основой патриотизма была история как наука о прошлом. Как писал Д.Лоуэнталь, «способность вспоминать и идентифицировать себя с собственным прошлым придает существованию смысл, цель и ценность» [5, с. 91].

Во-вторых, патриотизм был способом объединения властных национальных элит и народа на основе конструирования «сверху» общих представлений, выраженных через идеалы, доминирующую идеологию (религию), базовые ценности, национальную (государственную) идентичность. Э.Хобсбаум особо выделял для национальной государственности «... определяющую важность институтов и культуры правящих классов или образованной элиты, предполагая их идентификацию, или не слишком очевидную несовместимость с обычными людьми» [6, с. 120]. В данном случае патриотизм был крайне функционален как социально-психологическое и мировоззренческое явление с точки зрения удержания власти правящими элитами, поскольку связывал воедино, наряду с религией и идеологией, весь народ в государстве с властью. А.И. Кугай пишет: «Государственно-гражданский патриотизм как любовь к «большой Родине» в значительной степени сконструированное явление – плод усилий элиты, социальных институтов по обеспечению национального единства. Патриотический строй мыслей и чувств начинает доминировать в жизни человека и общества тогда, когда речь идет о конкуренции и конфликтах с другими народами и государствами, международными политическими организациями» [7, с. 153].

Однако в тандеме элит и народа приоритет принадлежал элитам как господствующей силе, которая формировала национальные институты «под себя». Элита через нацию реализовывала свои групповые (классовые) интересы, отождествляя их с национальными. Как несколько иронично заметил М.Вебер, «можно сказать, что к нации благосклонна судьба, если наивное отождествление интересов собственного класса со всеобщностью непреходящих интересов власти соответствует и последним» [4, с. 30].

Патриотизм позволял отграничиться от тех сообществ и индивидуумов, которые не разделяли коллективные (общественные) ценности и идеалы данного социума, в том числе от других народов.

Патриотизм был универсальным средством социализации граждан, в том числе молодежи, воспитывая в них необходимый набор социально-психологических установок. Как отмечал А.Н. Малинкин, «формально-социологической особенностью социализации патриотических чувств и взглядов всегда является выход за границы той части социального пространства, которая называется “жизненным пространством” и интуитивно отождествляется с “родиной”. Выход за границы “родины” приводит к осознанию различия между “своей” и “чужой” территорией, к делению людей на “своих” и “чужих”; если он не имеет отрицатель-

ных последствий для личности (со стороны “чужих” или “своих”), то “чужие” не становятся “врагами”, а их территория начинает восприниматься как “общая”» [8, с. 87–117].

Основополагающей духовной основой патриотизма служила общая история, которая излагалась как история становления и формирования нации и ее достижений в политическом, экономическом, культурном развитии.

Историческая память всегда была объектом государственной политики в деле нациестроительства. Безразличие к вопросам истории нации оборачивалось потерей идентичности народа, размыванием границ нации.

В-третьих, патриотизм был инструментом в руках властных национальных элит по мобилизации общества в условиях кризисов, в первую очередь в условиях военных конфликтов, экономического, политического и идеологического противостояния с другими государствами, сложных внутренних реформ, внутренней политической нестабильности и др. С.П. Поцелуев и Дж. А. Тимкук отмечали, что «...идея нации никогда бы не возникла в сознании людей, не будь у них изначально представления о том, что этой идее противостоят идеи других наций, а также сфера интер- и наднационального общения» [9, с. 105]. В ситуации высокой социальной неопределенности или политического кризиса патриотизм был последним резервом в руках элит для удержания страны от хаоса. Достаточно вспомнить поворот И. Сталина от интернационализма к патриотизму в годы Великой Отечественной войны.

В конечном счете патриотизм был и есть воплощение воли нации в условиях индустриального общества к самосохранению и саморазвитию, к объединению ресурсов для достижения значимых целей. Через патриотизм нация осознает себя как целостность, единство, как субъект внутренней и внешней политики, через него нация проявляет тотальность своего суверенитета на территории государства. Патриотизм служит выражением соответствующей ему истории нации. «Прошлое служит строительным материалом для конструирования разных типов социальных идентичностей, однако особое значение оно имеет для воображения наций» [10, с. 6]. История и язык – две фундаментальные основы самосознания наций, без которых их формирование превращается в длительный и противоречивый процесс.

Таким образом, патриотизм в индустриальном обществе институционален, функционален и органичен для любой нации, осуществившей себя в рамках государственности.

Рубеж XX–XXI веков обозначил процесс глобализации как общемировой тренд. Однако этот тренд был заложен самой объективной природой капитализма. К. Маркс фактически предсказал эту стадию, несколько забегаая вперед в своих выводах, еще в «Манифесте коммунистической партии»: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. <...> На смену старой местной и национальной замкнутости... приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга» [11, с. 145]. Именно отсюда следовал знаменитый тезис о том, что пролетарии не имеют своего отечества, поскольку для пролетария на первом месте должны стоять не национальные, а классовые интересы, а они вненациональны. Фактически К. Маркс призвал пролетариат к отказу от национальной идентичности, от национального патриотизма, заменив его на классовый «патриотизм» (интернационализм) [12, с. 87–117]. Продолжателем этой идеологии стал В. Ленин, который если и говорил об Отечестве, то как о «социалистическом».

Уменьшение роли государства в жизни общества, постепенное делегирование государствами своих функций в сфере политики, экономики, социальной жизни наднациональным структурам, мощные миграционные процессы создали новую ситуацию, в рамках которой можно ставить вопрос о функциональной трансформации патриотизма. Если говорить словами Ульри-

ха Бека, «...космополитическими стали сами обстоятельства человеческого бытия» [13, с. 2]. Это тем более важно, что многие представители неолиберализма полагают национальную идентичность исчерпанной, вместо нее они видят различные разновидности ненациональных общностей: сетевое государство, всемирное государство, глобальное гражданское общество и др. [14, с. 36]. Как утверждает Ф. Фукуяма, «... рост мировой экономики ведет к разрушению автономии суверенных национальных государств за счет возрастания скорости обмена информацией, мобильности капитала и, в меньшей степени, трудовых ресурсов» [15, с. 167].

Целый ряд глобальных процессов размывают национальный патриотизм, содействуя формированию «иерархии патриотизмов». В данном случае под «иерархиями патриотизмов» понимается структурированная иерархия социально-психологических идентификаций граждан, связанных с территорией происхождения, местом проживания, «родной» нацией, государством и т.д., которая выстраивается в связи с жизненными приоритетами индивидуума и степенью его вовлеченности в глобальные процессы. Социальной основой «иерархии патриотизмов» являются социальные перемещения больших масс людей между регионами и странами, а также усиливающееся разделение труда. Об этом писал еще Э.Дюркгейм: «Для того чтобы один народ стал доступен для проникновения другого, необходимо, чтобы он перестал замыкаться в патриотизме исключительности и усвоил себе другой, более широкий патриотизм» [16, с. 262]. Каждая из этих идентификаций сопряжена с комплексами социальных, культурных, психологических установок, ожиданий, переживаний, эмоций, предопределяющих поведенческие стереотипы человека. Глобализация противоречиво влияет на патриотические настроения. С одной стороны, как отмечалось выше, она размывает традиционный патриотизм в тех странах, которые наиболее интенсивно включились в глобализационные процессы, с другой стороны, усиливает патриотические настроения у той части людей, которые не смогли вписаться в мировые тенденции. Как справедливо отмечает И.А. Халий, «... включиться в глобальные потоки удалось далеко не всем: для большинства людей даже в отдаленной перспективе это не представляется возможным. У этой части человечества патриотизм приобретает особую актуальность, поскольку именно от национального государства по сию пору зависит создание условий благополучной жизни» [17, с. 67]. Для большинства российских граждан патриотизм становится способом защиты от глобальных влияний и сохранения национальной идентичности. Сохранение российской государственности для них есть результат более значимый, чем вхождение в мировое сообщество по правилам внешних сил. Не случайно опрос населения, проведенный ВЦИОМ в 2018 году, показал, что «за два года патриотические настроения в обществе заметно окрепли: доля россиян, ощущающих себя патриотами страны, в 2018 году составила 92 % – максимум за 18 лет – рост с 80 % в 2016 году» [18]. Государственность, выражающая национальные интересы граждан, и соответствующий ей патриотизм становятся средством выживания в условиях геополитической конкуренции, результатом проигрыша в которой будут распыление народа, утрата им идентичности и постепенное исчезновение.

Тем не менее можно полагать, что уже у значительных групп российского населения фактически сложилась многоуровневая идентичность, в рамках которой соотнесение себя с Родиной «дополняется» другими идентичностями. Так, А.Н. Малинkin выделяет в современном «посткоммунистическом» российском обществе «национальный патриотизм» и патриотизм на «интернациональной» основе (патриотизм как составная часть идеологии бывшего советского государства, или «советскоимперский» патриотизм) [19, с. 93]. Для членов диаспор характерен двойной патриотизм: у большинства из них две родины – историческая (страна предков) и собственно родина (страна, где они родились и постоянно живут) [20, с. 94]. В силу этих обстоятельств обостряется проблема исторической памяти. Насколько возможна

интеграция в гражданскую нацию новых мигрантских сообществ? Как будет соотноситься историческая память, связанная со страной исхода, с исторической памятью принимающего сообщества? Не случайно В.А. Ачкасов пишет, что «...в России история и национальная память признаны ареной ожесточенной политической борьбы, а «непредсказуемое» прошлое оказывается идеологическим ресурсом и потому за него борются» [21, с. 149].

В процессах глобализации проявляются различные разновидности патриотизма, в которых просматриваются общемировые тренды эволюции феномена патриотизма.

Во-первых, в настоящее время можно говорить о патриотизме государства-гегемона – США. Мало кто усомнится в том, что американские граждане являются патриотами в буквальном смысле этого слова. Их патриотизм проявляется в огромном количестве бытовых мелочей, но самое главное – в отстаивании интересов американского государства. Это патриотизм государства-гегемона, навязывающего свою волю всеми миру. Для американца патриотизм – это любовь к самому сильному и богатому государству мира. Фактически американский патриотизм становится глобалистским (имперским) патриотизмом, основывающимся на чувстве превосходства над другими людьми (нациями, народами, государствами).

Во-вторых, возник «матрешечный» патриотизм как переходная форма к новой надгосударственной идентичности. Европейский союз выступает как общий дом для большинства европейских наций, но при этом сохраняются сильные позиции традиционного национального патриотизма у граждан крупных государств, особенно у тех, которые играют большую роль в определении политики объединенной Европы. «Матрешечность» патриотизма заметна в тех государствах, которые устремились в Европу после распада советской международной системы (страны Восточной Европы, Балтии, Украина и др.). Важнейшим её проявлением становится «двойная» идентичность гражданина – как гражданина своего государства и как члена европейской общности. Одним из важнейших инструментов транзита в Европу стал пересмотр прошлого стран-новобранцев. Как отмечал В.А. Смирнов, «...основными тенденциями в развитии исторической политики в странах Прибалтики является использование политическими элитами административных и законодательных инструментов для утверждения предпочтительных «версий прошлого», а также активная политическая работа на межгосударственном уровне, нацеленная на включение прибалтийских «версий» прошлого в общеевропейскую политику памяти» [22, с. 91].

В-третьих, это «новые патриотизмы», которые создаются во вновь образованных государствах (например, в государствах, возникших на развалинах Югославии или СССР). У них есть определенная историческая основа, которая развивалась в недрах более крупного государства. Возникшие государственные элиты срочно нуждаются в легитимации своего господства, поэтому патриотизм конструируется максимально быстрыми темпами на основе псевдоисторических мифов и противопоставления (явного или скрытого) бывшему общему государству. В них также используются традиционные инструменты создания «патриотизмов на скорую руку» через организацию практик забвения², деконструкцию смыслов исторических фактов, образов и понятий и их пересборку, а также стигматизацию нежелательного прошлого. В контексте политики памяти власть определяет, «...какое прошлое достойно сохранения, а какое – забвения, что делит политику памяти на два блока (политика запоминания и политика забвения), взаимосвязанных между собой» [23, с. 44].

В-четвертых, по-особому меняется патриотизм в государствах, подвергшихся сильным социальным трансформациям (например, в результате миграционных процессов, территори-

² Лейбович О.Л. «Теперь не время помнить...» Большевикизация исторической памяти в 1920–1930-х годах // Технологос. – 2019. – № 3. – С. 38–46.

альных изменений, политических и экономических революций и т.д.). Патриотизм в них приобретает «разорванный» характер, утрачивает свою целостность, опору на традицию и историческую память. Социальные группы с различной предшествующей историей развития могут не составлять внутреннего социального единства в силу различных ценностных оснований и исторического прошлого. В этих государствах «трансформация представлений о прошлом нации может служить инструментом мобилизации (например, посредством внедрения образа «вечного врага» или представлений о мессианстве) либо привести к падению «условной пассионарности» (например, посредством разрушения пантеона героев). <...> Политика памяти превращается в значимый канал управления широкими массами...» [24, с. 90]. Пример Украины служит иллюстрацией того, как политика памяти, проводимая государством, подменяет содержание исторических понятий и образов, создавая новый мифологический ряд, с помощью которого у молодежи формируется новое национальное сознание и новый патриотизм, отличный от советского и российского.

В процессах постиндустриальной трансформации патриотизма можно выделить несколько тенденций.

Патриотизм стал «менее» национальным, поскольку состав многих государств сильно изменился как с этнической, так и конфессиональной точки зрения. За десятилетия индустриального развития произошло включение больших масс рабочей силы с иной этнической принадлежностью, иными ценностными установками и представлениями о жизни. Так, в 2014 году во Франции отмечалось, что у 29 % новорожденных, появившихся на свет в континентальной Франции, по крайней мере один родитель был рожден за границей, причем в 25,3 % за пределами ЕС. Главным источником иммиграции во Францию являются страны Магриба, на территории Франции проживает самая крупная в ЕС (после Болгарии) мусульманская община [25, с. 198]. В Германии в «результате лояльной политики по приему беженцев в некоторых городах и районах коренное население отныне не составляет большинства. Лидерами по количеству иностранного населения, безусловно, являются западные земли. В 2017 году доля населения с миграционным прошлым в целом по Германии составила 12 %, в западных землях в среднем выше: 17 % в Берлине и Бремене, 16 % в Гамбурге и Гессене и 15 % в Баден-Вюртемберге» [26, с. 132]. Идущие процессы миграционного давления на государства нередко подрывают основы этнического или народного единства в вопросах патриотизма. Однотипен ли в Германии патриотизм немецкого турка и патриотизм этнического немца? Будут ли мигранты, вторгшиеся в Германию, патриотами Германии? Будут ли они патриотами Европейского союза? Или им (и их потомкам) уже не суждено стать какими-либо патриотами, поскольку в этом не будет необходимости?

Перемешивание населения, информационные коммуникации, товарные потоки, движение финансов – все это раскалывает национальные общества, создавая внутренние конфликты, которые приводят к потере гражданами национальной идентичности и обретению космополитической идентичности. Ульрих Бек полагал, что «космополитическое общество возникает в той мере, в какой национальные общества расколоты и «разъединяются»» [13, с. 116].

Патриотизм становится менее системным и распространенным в народной массе. Появились и стали многочисленными социальные группы, чье существование все меньше зависит от развития национальной экономики, от успехов собственного государства. Для этих групп патриотизм нередко становится лишь элементом традиции, наследования части социального опыта. Это, во-первых, группы, занятые в филиалах зарубежных фирм на территории страны, в зарубежных филиалах компаний, в зарубежных представительствах государственных учреждений

и организаций. Во-вторых, это обучающиеся в зарубежных вузах, как правило, из обеспеченных семей, чьи капиталы находятся за границей. В-третьих, это граждане, выезжающие на постоянную или временную работу в другие государства. В-четвертых, это довольно широкий слой людей, мечтающих выехать за пределы своего государства под влиянием идеалистических представлений о сытой и спокойной жизни за пределами своего государства. Как констатировал Дж. Урри, «... развиваются новые виды гражданства и идентичности, конкурирующие и порой подтачивающие национальную идентичность и гражданство» [27, с. 349].

Проводимые в России исследования показывают: «47,8 % опрошенных считают, что в России в последние десятилетия происходило ослабление патриотического сознания; 28,9 % отмечают скорее ослабление, чем усиление» [28, с. 113]. И.А. Халий отмечала, что происходит «размывание» патриотизма в России под влиянием объективных процессов [17, с. 69]. Для России проблема формирования нации как формы коллективной идентичности напрямую связана с формированием общегражданского патриотизма, общего для всех народов, населяющих государство. В современной России, по словам В.А. Тишкова, «...российская нация как форма коллективной идентичности в большей степени строится сверху, преодолевая как внутренние (верхушечные и низовые), так и внешние противодействия» [21, с. 174]. Россия превращается в «нацию наций», создавая общероссийский патриотизм как новое качество республиканских и региональных патриотизмов, выраженное в общегражданском чувстве любви к «большой России».

Патриотизм стал менее нужен элите. Она перестает быть национальной, а превращается в часть глобальных элит, извлекающих прибыль из территории для последующего ее использования на мировых рынках. М. Делягин отмечает удивительную «слабость европейской самоидентификации, даже на уровне элит (если, конечно, ориентироваться на их реальное поведение, а не на официальную риторику)» [29, с. 14]. Если посмотреть данные об юрисдикциях, в которых расположены активы крупнейших российских компаний, то легко заметить их преимущественно офшорное расположение. «Национальная» элита не доверяет своему государству и вывозит капиталы в другие страны. Государственные границы становятся помехой для движения капитала, а для офшорной элиты патриотизм становится маркером, с помощью которого помечается та часть элиты, которая не лояльна к принимающей юрисдикции. Более важным становится проявление позиции, близкой к позиции глобальных компаний или правительств ведущих государств мира, поскольку от них зависит предоставление или ограничение возможностей для «длинных» кредитов под небольшой процент, попадание в санкционные списки и др.

Для значительной части национальной элиты патриотизм перестал быть системным признаком, олицетворяющим связь со своим государством (Отечеством) и собственным народом. А.С. Панарин метко заметил, что «...современная глобализация ведет к нарушению сложившегося национального консенсуса между элитами и народными массами и представляет вызов единому гражданскому обществу классического типа» [30, с. 84]. Патриотизм стал удобным инструментом в достижении своих целей, в том числе – в защите своих счетов и собственности за рубежом. Только сильное государство, способное противостоять внешней агрессии или давлению, может урегулировать интересы конкурирующих бизнес-групп или противодействовать давлению других государств. Поэтому для крупного бизнеса укрепление национальной армии – это не только дань патриотизму, но и средство защиты своих капиталов в глобальных финансовых и экономических структурах. В этом смысле правомерна постановка проблемы В.К. Левашовым: «Объективный процесс транснационализации поставил в повестку дня всех стран вопрос о патриотизме внешней политики правительств национальных государств. В условиях глобализации резко возросло значение патриотической ценности

их политики. Имеет ли эта политика широкую социальную базу, или она проводится в узко-корпоративных интересах политического и экономического топ-менеджмента страны и действующих на ее территории ТНК?» [31].

Массированное воздействие на сознание граждан со стороны глобальных средств массовой информации приводит к тому, что патриотизм в сознании заслоняется потребительскими симулякрами под давлением унифицированных ценностей, потребностей и возможностей их удовлетворения. Нивелирование различий в уровне жизни в различных регионах мира, однотипность предоставляемых материальных благ и услуг, возможность миграции в развитые страны мира и трудоустройства в них – все это подрывает привычный социальный функционал патриотизма.

Таким образом, глобализация привела к трансформации патриотизма, понизив его значение для национальной элиты. Патриотизм из сущностного феномена, структурировавшего отношения внутри государства, превратился для элиты в инструмент политики, с помощью которого можно позиционировать при необходимости свою принадлежность к определенному центру силы.

Глобализация как процесс, чтобы быть успешной и «органичной», должна поддерживаться соответствующими процессами в духовной сфере, формируя адекватные глобализации представления у граждан. Наиболее серьезным препятствием для процессов духовной глобализации служит историческая память национальных сообществ, которые поддерживают свою идентичность через воспроизводство архетипических образов прошлого, необходимого для «привязки» к территории, истории, культуре страны. Традиционно считается, что богатый событиями XX век, связанный со многими политическими поворотами, породил у многих государств потребность в переосмыслении своего исторического прошлого. Особенно это заметно на постсоветском политическом пространстве, в рамках которого во многих государствах пересматриваются взаимоотношения с Россией (СССР), итоги войн, практики совместного проживания в рамках единого государства, специфика нациестроительства и т.д. Однако подобные процессы идут во многих государствах мира, в которых природа национальных и политических перемен имели другую причину.

В этих условиях активизируется целый спектр политических и духовных явлений и процессов, определение которых еще не устоялось в науке. Как верно заметила О.Ю. Малинова, «... хотя конфигурация причин, актуализирующих прошлое в качестве политического ресурса, в каждой стране особая, явление, которое именуют «политикой памяти» / «исторической политикой» / «политическим использованием прошлого», в начале XXI в. получило практически повсеместное распространение» [10, с. 7]. Политика памяти, проводимая либо глобальными сообществами, либо отдельными государствами на своей территории и проецируемая на сферу международных отношений, играет роль негативную: она не столько создает национальную идентичность, сколько ее переформатирует, создавая фактически новую, основанную на включенности в наднациональные сообщества. Так происходит, например, в постсоветских государствах и бывших странах социалистического содружества, где политика памяти направлена на то, чтобы вырвать массовое национальное сознание из контекста советской (российской) политики и истории и затем включить его в формирующееся общеевропейское сознание как его составную часть.

Глобализационные процессы, относительно независимые от частных национальных историй, имеют четкую направленность: сокращение роли национальной памяти, упрощение исторической канвы развития социумов, усиление унификационных исторических сюжетов

для максимально больших сообществ. Этому служит политика памяти³, которая построена на «вспоминании» и на «забвении». «В постсоветской России эти разные политики памяти проводятся одновременно, и за ними стоят разные коалиции общественных сил. Это делает конструирование официального исторического нарратива крайне сложной политической задачей» [32, с. 144]. Они проводятся в различных регионах и странах для размывания прежнего патриотического сознания, смены приоритетов и «вех» в массовом сознании и формирования нового исторического сознания, разрывающего с прежним.

Самым ярким примером совместных усилий группы государств по формированию общей синтетической истории служат усилия Евросоюза, элиты которого пытаются создать образ прошлого как набор нужных фактов и примеров, раскрывающих современные ценности Европы. Д.О. Рябов, проанализировав политику памяти, проводимую в ЕС, выделил три ее направления: создание позитивной идентичности, то есть производство образов «своих» и чувства принадлежности к ЕС; обеспечение внутреннего единства за счет ослабления внутренних символических границ (в первую очередь национальных); создание негативной идентичности, проведение видимой, прочной и легитимной символической границы между «своими» и «чужими» [33, с. 67]. Данная модель истории насаждается через СМИ, систему образования, символические практики. Пересмотру подвергаются национальные истории, что влияет на трансформацию национальных патриотизмов. Национальная история переструктурируется, акценты в ней смещаются в сторону общих ценностей для всего ЕС. В итоге, учитывая постоянные изменения состава, «...Европейский союз фактически оказался вынужденным постоянно трансформировать свое «официальное представление» об исторической памяти» [34, с. 168–171], что в конечном счете приводит к мифологизации истории.

В Центральной Азии ситуация иная: «...государство претендует на полное изъятие у профессиональных историков их традиционной монополии на интерпретацию прошлого» [35, с. 114]. Государство в лице их политических лидеров стало главным мифотворцем, создавая под каждого лидера новую версию исторического пути народа. Возвеличивание собственного народа на основе сконструированной истории становится базой для такого же конструирования нации.

В странах Балтии активно формируется новая история, основанная на идее «политической и государственной преемственности современных государств Балтии с их историческими предшественниками», она «стала центральной в современной политической и исторической памяти, она определяет основные векторы и направления развития политики памяти, став единственной официально поддерживаемой версией национальной истории...» [36, с. 205]. На территории бывшей Молдавии и на территории Приднестровской Молдавской республики «бои за историю» приводят к возникновению различных внешнеполитических курсов, внутренним политическим конфликтам (Молдова), различным стратегиям формирования наднационального сознания [37].

Вместе с тем государство в проведении политики памяти в современных условиях оказалось в сложной ситуации. Тотальная мощь государства в индустриальную эпоху в проведении нужной ему политики памяти сменилась эпохой конкуренции, где в социуме сосуществуют разнонаправленные «политики памяти». Акторов политики памяти стало много, и государство уже не может ими управлять. Как отмечает О.В. Головашина, «... государство в определенный момент времени оказывается не более значимым, чем автор популярного кана-

³ Н.А. Медушевский определяет политику памяти как «моделирование коллективной памяти политическими агентами с использованием политических технологий, которые позволяют акцентировать внимание общественности на одних исторических событиях и замалчивать другие, формируя у реципиентов стереотипизированное мышление» [32, с. 168].

ла на youtube» [38, с. 68–69]. При всей категоричности данного утверждения следует признать, что монополия государства и его институтов в трактовке истории подрывается многочисленными акторами, среди которых глобальные СМИ, международные научные и пропагандистские центры, «вольные стрелки» от истории в интернете, независимые исследователи и сообщества, религиозные деятели и т.д.

Политика памяти, проводимая в различных государствах, стала элементом глобализации и депатриотизации национальных сообществ. На данном этапе она не столько формирует «новые патриотизмы», сколько разрушает старые. А новые создать они уже не успевают в силу мощных общемировых и региональных трендов на унификацию массового исторического сознания. Отграничение от прежних сообществ выполняет функцию дезинтеграции, а затем вливания на новых, порой более жестких, чем прежде, условиях в новые сообщества государств с еще большей унификацией практик в сфере языков, образования, общекультурных институций, участия в экономических процессах.

Список литературы

1. Павлов А. Патриотизм. Очень краткая история идеи // *Философская антропология*. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 175–191.
2. Бойко С.И. Концепт нации: теоретические предпосылки // *Политическая концептология*. – 2014. – № 4. – С. 68–103.
3. Тишков В.А. Россия – это нация наций. В поисках формулы: тезисы к выступлению В.А. Тишкова на круглом столе [Электронный ресурс]. – URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publikacii/rossiya__e1.html (дата обращения: 10.04.2019).
4. Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика // М. Вебер. *Политические работы*. – М.: Праксис, 2003. – 424 с.
5. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 623 с.
6. Хобсбаум Э. Век Капитала. 1848–1875. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 480 с.
7. Кугай А.И. Патриотизм как фактор гражданской идентификации и национального единства // *Управленческое консультирование*. – 2018. – № 5. – С. 152–161.
8. Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // *Социологический журнал*. – 1999. – № 1–2. – С. 87–117.
9. Поцелуев С. П., Тимчук Дж. А. Многосоставные общества между государственной и общественной нацией // *Южно-российский журнал социальных наук*. – 2018. – Т. 19, № 3. – С. 96–125.
10. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития*. – 2017. – № 4. – С. 6–20.
11. Маркс К. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Избр. соч.* Т. 3. – М.: ИПЛ, 1985. – 637 с.
12. Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // *Социологический журнал*. – 1999. – № 1–2. – С. 87–117.
13. Бек У. Космополитическое мировоззрение. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.
14. Гранин Ю. Вызовы национальной идентичности в эпоху глобальных трансформаций // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. – 2013. – № 1. – С. 28–42.
15. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: Хранитель, 2007. – 220 с.

16. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Наука. 1991. – 575 с.
17. Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. – 2017. – № 2. – С. 67–74.
18. ВЦИОМ: Что значит быть патриотом? Уровень патриотических чувств в обществе достиг максимума за последние 18 лет: данные опросов. № 3685. 09 Июня 2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156> (дата обращения: 10.04.2019).
19. Малинкин А.Н. Социальные общности и идея патриотизма / Социологический журнал. – 1999. – № 3–4. – С. 89–111.
20. Ачкасов В.А. Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2019. – № 440. – С. 146–152.
21. Тишков В.А. Стройка наций. Российская полиэтничность в мировом контексте // Россия в глобальной политике. – 2013. – № 5. – С. 160–174.
22. Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. – 2015. – № 2 (24). – С. 78–97.
23. Беспалова С. Политика памяти и забвения в современной России: проблема методологии // Политическое пространство и социальное время. 1917–2017: смыслы и ценности прошедшего столетия: сб. науч. тр. XXXII Харакского форума / под ред. Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова. – 2017. – С. 38–46.
24. Белов С.И. Методы конструирования исторических мифов как элемент политики памяти (на материалах украинских учебников истории) // PolitBook. – 2017. – № 4. – С. 89–103.
25. Салкина М.С. Замещающая миграция как фактор культурализации национальной идентичности: опыт Франции // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – 2018. – № 5 (795). – С. 192–203.
26. Сербина А.С. К вопросу о соотношении иммиграции и нелегальной занятости в Германии // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2019. – № 57. – С. 132–136.
27. Урри Дж. Мобильности. – М.: Праксис, 2012. – 576 с.
28. Ивченков С.Г., Сайганова Е.В. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // Вестник института социологии. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 104–119.
29. Делягин М.Г. Европа: агония Евросоюза, возвращение к патриотизму // Свободная мысль. – 2019. – № 3 (1675). – С. 5–24.
30. Панарин А.С. Народ без элиты. – М.: Алгоритм. 2006. – 352 с.
31. Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социальнополитических реалий // Социологические исследования. – 2006. – № 8. – С. 67–75.
32. Медушевский Н.А. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса // Власть. – 2019. – № 3. – С. 167–174.
33. Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 139–158.
34. Рябов Д.О. Политика памяти в формировании европейской идентичности ЕС // PolitBook. – 2016. – № 4. – С. 65–81.
35. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. 16, № 4. – С. 106–123.
36. Кирчанов М. Континуитет и дискретность в современных исторических памятниках стран Балтии (мифы политической нации vs мифы политизированной этничности) // Журнал российских и восточно-европейских исторических исследований. – 2019. – № 1. – С. 180–218.

37. Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Проблемная европейская идентичность Молдовы: «бои за историю» // Современная Европа. – 2017. – № 6. – С. 132–143.

38. Головашина О.В. Политика памяти в условиях «времени Мёбиуса» // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 38. – С. 63–70.

References

1. Pavlov A. Patriotizm. Ochen' kratkaia istoriia idei [Patriotism. A very brief history of the idea]. *Filosofskaia Antropologiya*, 2018, vol. 4, no.1, pp. 175–191.
2. Boiko S.I. Kontsept natsii: teoreticheskie predposylki [The concept of the nation: theoretical background]. *Politicheskaya Kontseptologiya*, 2014, no. 4, pp. 68–103.
3. Tishkov V.A. Rossiia – eto natsiia natsii. V poiskakh formuly: tezisy k vystupleniiu V.A. Tishkova na kruglom stole, available at: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publicacii/rossiya__e1.html (accessed 10 April 2019)
4. Veber M. Natsional'noe gosudarstvo i narodnokhosiaistvennaia politika [National state and economic policy]. *Veber M. Politicheskie raboty*. Moscow, Praksis, 2003, 424 p.
5. Louental' D. Proshloe – chuzhaia strana [The past is a foreign country]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2004, 623 p.
6. Khobsbaum E. Vek Kapitala. 1848-1875 [Century of Capital. 1848-1875]. Rostov-na-Donu, Feniks, 1999, 480 p.
7. Kugai A.I. Patriotizm kak faktor grazhdanskoj identifikatsii i natsional'nogo edinstva [Patriotism as a factor of civic identification and national unity]. *Upravlencheskoe Konsul'tirovanie*, 2018, no. 5, pp. 152–161.
8. Malinkin A.N. Poniatie patriotizma: esse po [The concept of patriotism: an essay on the sociology of knowledge]. *Sotsiologii Znaniia Sotsiologicheskii Zhurnal*, 1999, no. 12, pp. 87–117.
9. Potseluev S. P. Timkuk J. A. Mnogosostavnye obshchestva mezhdu gosudarstvennoi i soobshchestvennoi natsiei [Multiple-member societies between a state and a community nation]. *Iuzhno-Rossiiskii Zhurnal Sotsial'nykh Nauk*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 96–125.
10. Malinova O.Iu. Kommemoratsiia istoricheskikh sobytii kak instrument simvolicheskoi politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: possibilities of comparative analysis]. *Politiia*, 2017, no. 4, p. 620.
11. Marks K. Manifest kommunisticheskoi partii [Communist Manifesto]. *Marks K., Engel's F. Izbrannye sochineniia*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1985, vol. 3, 637 p.
12. Malinkin A.N. Poniatie patriotizma: esse po sotsiologii znaniia [The concept of patriotism: an essay on the sociology of knowledge]. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 1999, no. 12, pp. 87–117.
13. Bek U. Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie [Cosmopolitan worldview]. Moscow, Tsentr issledovani postindustrial'nogo obshchestva, 2008, 336 p.
14. Granin Iu. Vyzovy natsional'noi identichnosti v epokhu global'nykh transformatsii [Challenges of national identity in the era of global transformations]. *Novoe v Psikhologo-pedagogicheskikh Issledovaniakh*, 2013, no. 1, pp. 28–42.
15. Fukuiama F. Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj poriadok v XXI veke [Strong state: Management and world order in the XXI century]. Moscow, Khranitel', 2007, 220 p.
16. Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda [On the division of social labor]. Moscow, Nauka, 1991, 575 p.
17. Khali I.A. Patriotizm v Rossii: opyt tipologizatsii [Patriotism in Russia: the experience of typologization]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2017, no. 2, pp. 67–74.
18. VTSIOM: Chto znachit byt' patriotom? Uroven' patrioticheskikh chuvstv v obshchestve dostig maksimuma za poslednie 18 let: dannye oprosov. No. 3685. 09 iunia 2018 [VTsIOM: What does it mean to be a patriot? The level of patriotic feelings in society has peaked over the past 18 years: survey data. No. 3685. June 09, 2018], available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156> (accessed 10 April 2019)
19. Malinkin A.N. Sotsial'nye obshchnosti i ideia patriotizma [Social Communities and the Idea of Patriotism]. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 1999, no. 34, pp. 89–111.
20. Achkasov V.A. Diskurs postkolonializma v politike pamiati postsovetских gosudarstv [The discourse of postcolonialism in the politics of memory of post-Soviet states]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2019, no. 440, pp. 146–152.
21. Tishkov V.A. Stroika natsii Rossiiskaia polietnichnost' v mirovom kontekste [Building nations. Russian multi-ethnicity in a global context]. *Rossiia v Global'noi Politike*, 2013, no. 5, pp. 160–174, pp. 160–174.
22. Smirnov V.A. Rol' politicheskikh elit v formirovanii istoricheskoi politiki v stranakh Pribaltiki [The role of political elites in the formation of historical politics in the Baltic countries]. *Baltiiskii Region*, 2015, no. 2 (24), pp. 78–97.
23. Bespalova S. Politika pamiati i zabvenii v sovremennoi Rossii: problema metodologii [Politics of memory and oblivion in modern Russia: the problem of methodology]. *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremia 1917-2017: smysly i tsennosti proshedshego stoletii Sbornik nauchnykh trudov XXXII Kharakskogo foruma*. Eds. T.A. Seniushkina, A.V. Baranov. 2017, pp. 38–46.
24. Belov S.I. Metody konstruirovaniia istoricheskikh mifov kak element politiki pamiati (na materialakh ukrainskikh uchebnikov istorii) [Methods of constructing historical myths as an element of the politics of memory (based on the materials of Ukrainian history textbooks)]. *PolitBook*, 2017, no. 4, pp. 89–103.
25. Salkina M.S. Zameshchaiushchaia migratsiia kak faktor kul'turalizatsii natsional'noi identichnosti: opyt Frantsii [25. Salkina M.S. Substitute migration as a factor in the culturalization of national identity: the experience of France]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. The Humanities*, 2018, no.5, pp. 192–203.
26. Serbina A.S. K voprosu o sootnoshenii immigratsii i nelegal'noi zaniatosti v Germanii [On the correlation of immigration and illegal employment in Germany]. *Bulletin of Tomsk State University Journal of History*, 2019, no. 57, pp. 132–136.
27. Urry J. Mobil'nost' [Mobility]. Moscow, Praksis, 2012, 576 p.
28. Ivchenkov S.G., Saiganova E.V. Patriotizm kak komponent obshchestvennogo soznaniia: pokolencheskii rakurs izmereniia [Patriotism as a component of public consciousness: the generational perspective of measurement]. *The Bulletin of the Institute of Sociology*, 2019, vol. 10, no. 1, pp. 104–119.

29. Deliagin M.G. Evropa: agoniia Evrosoiuza, vozvrashchenie k patriotizmu [Europe: the agony of the European Union, a return to patriotism]. *Svobodnaia Mysl'*, 2019, no. 3 (1675), pp. 5-24.
30. Panarin A.S. Narod bez elity [A people without an elite]. Moscow, Algoritm, 2006, 352 p.
31. Levashov V.K. Patriotizm v kontekste sovremennykh sotsial'no-politicheskikh realii [Patriotism in the context of modern sociopolitical realities]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2006, no. 8, pp. 67-75.
32. Medushevskii N. A. Politika pamiati v Evropeiskom Soiuze kak instrument realizatsii integratsionnogo protsesssa [Politics of memory in the European Union as a tool for implementing the integration process]. *Vlast'*, 2019, no. 3, pp. 167-174.
33. Malinova O.Iu. Ofitsial'nyi istoricheskii narrativ kak element politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-kh k 2010-m godam [The official historical narrative as an element of the identity policy in Russia: from 1990 to 2010 years]. *Polis. Politicheskie Issledovaniia*, 2016, no. 6, pp. 139-158.
34. Riabov D.O. Politika pamiati v formirovanii evropeiskoi identichnosti ES [Politics of memory in the formation of the European identity of the EU]. *PolitBook*, 2016, no. 4, pp. 65-81.
35. Achkasov V.A. «Politika pamiati» kak instrument stroitel'stva postsotsialisticheskikh natsii ["Politics of memory" as a tool for building post-socialist nations]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noi Antropologii*, 2013, vol. 16, no. 4, pp. 106-123.
36. Kirchanov M. Kontinuitet i diskretnost' v sovremennykh istoricheskikh pamiatiakh stran Baltii (mify politicheskoi natsii vs mify politizirovannoi etnichnosti) [Continuity and discreteness in modern historical memorials of the Baltic countries (myths of a political nation vs myths of a politicized ethnicity)]. *Zhurnal Rossiiskikh i Vostochnoevropeiskikh Istoricheskikh Issledovaniy*, 2019, no. 1, pp. 180-218.
37. Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Problema evropeiskaia identichnost' Moldovy «boi za istoriiu» [37. Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Moldova's problematic European identity: "battles for history"]. *Sovremennaia Evropa*, 2017, no.6, pp. 132-143.
38. Golovashina O.V. Politika pamiati v usloviakh «vremeni Mebiusa» [The politics of memory in the conditions of "Möbius time"]. *Bulletin of Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 38, pp. 63-70.